

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2020

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 9 (95) Том 11 - Источниковедение и историческая память в
контексте Digital Humanities. 2020

Историческая политика в постсоветской Центральной Азии и перспективы преодоления антагонистического режима памяти

Емельянова Н. Н.

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Российская Федерация, Москва*

Летняков Д. Э.

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

После распада СССР постсоветские государства активно занялись «национализацией» своей истории, иными словами, стали формировать собственный исторический нарратив, призванный, прежде всего, легитимировать факт обретения независимости в 1991 г. В рамках этой стратегии наиболее естественным режимом работы с исторической памятью был «антагонистический», построенный на отталкивании от бывшей «метрополии», на виктимизации и одновременно глорификации собственного прошлого. Однако «антагонистический» режим памяти не является единственно возможным, альтернатива ему заключается в «космополитических» / «партнерских» исследованиях памяти, пытающихся подняться над узконациональной точкой зрения и примирить конфликтующие исторические нарративы. Примером этого являются попытки работы с культурной памятью в рамках Европейского Сообщества (совместные учебники истории, Холокост как главная общеевропейская трагедия и так далее).

Ключевой вопрос, на который намерены ответить авторы данной статьи, заключается в том, существует ли сегодня, по прошествии почти трех десятилетий с момента распада Советского Союза, шансы для частичного преодоления антагонистического режима памяти на постсоветском пространстве? В качестве объекта исследования выбрана Центральная Азия — часть бывшего СССР, которой после 1991 г. наиболее активно адресуются различные интеграционные проекты со стороны внешних игроков. В современном мире выстраивание

подобных проектов нередко опирается на гуманитарное взаимодействие, на элементы «мягкой силы», в том числе на апелляцию к общему прошлому, единому культурному наследию. Авторы ставят перед собой цель оценить, имеют ли такие игроки, как Россия, Иран, Турция, Китай и Индия потенциал для выстраивания наднационального исторического нарратива с государствами региона, и если да, то на чем этот потенциал может основываться.

Ключевые слова: Центральная Азия, постсоветское пространство, историческая политика, транснациональная память, мягкая сила

Дата публикации: 15.10.2020

Источник финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00371).

Ссылка для цитирования:

Емельянова Н. Н. , Летняков Д. Э. Историческая политика в постсоветской Центральной Азии и перспективы преодоления антагонистического режима памяти // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 9 (95) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840011431-3-1/> (дата обращения: 06.11.2020). DOI: 10.18254/S207987840011431-3

1

Введение

В исследованиях исторической политики существует традиция разделения режимов (“modes”) памяти на «антагонистический»¹ и «космополитический»². Для первого характерна установка на защиту и прославление «канонической» версии своей истории, равно как и манихейское разделение исторических персонажей на хороших и плохих (хороши они часто просто потому, что «наши», и наоборот). Понятно, что такой подход часто вызывает конфликты памяти, борьбу со стороны конкурирующих исторических нарративов (прежде всего, на международной арене), отсюда его название. В свою очередь, космополитический режим памяти более рефлексивно относится к истории вообще и к собственной истории в частности (вспомним знаменитый призыв к «проработке прошлого» Т. Адорно, обращенный к немецкому народу), кроме того, он пытается выйти за пределы узкого национального нарратива и сформировать транснациональные рамки памяти.

2 Долгое время образцом выстраивания космополитического режима памяти считался Европейский союз. В рамках ЕС действительно было сделано немало для формирования транснациональной мемориальной культуры. Здесь можно вспомнить и немецко-французский учебник по истории, три тома которого выходили с 2006 по 2010 гг., и реализованный параллельно с этим проект немецко-польского учебника (2008 г.). Намного раньше написания совместного учебника немцы и французы предпринимали и некоторые символические действия, вроде встречи под Верденом, на месте одного из самых кровопролитных сражений Первой мировой войны, французского президента Ф. Миттерана и германского канцлера Г. Коля в 1984 г. Кроме того, через несколько десятилетий после Второй мировой войны Холокост превратился в центральное событие новейшей европейской истории, вина за которое должна была объединить всех жителей континента.

3

Однако сегодня часто говорят о том, что даже в рамках ЕС космополитический

режим памяти испытывает все бóльшие вызовы — вместо установки на преодоление исторических разногласий между странами (а также внутри отдельных государств) мы видим повышенную конфликтогенность на почве исторической политики. Кто-то связывает это, прежде всего, с «правым поворотом» (с усилением влияния национал-популистов на европейскую политику), так как рост «евроскептицизма» автоматически ставит под вопрос и общеевропейские рамки памяти³. Кто-то обращает внимание на активизацию субнациональных движений (фламандского, баскского, каталонского и других), противопоставляющих свою «контрпамять» историческому нарративу национального государства⁴ и более широкому общеевропейскому дискурсу. Другие ученые склонны делать акцент на появлении в ЕС в начале XXI в. новых членов из Центральной и Восточной Европы, которые принесли в это объединение свою культуру памяти, основанную на национализме и тенденции к самовиктимизации⁵. Так или иначе, очевидно, что космополитическому режиму памяти предстоит еще длительная борьба за свое утверждение даже в рамках Европейского Союза.

4 После 1991 г. страны постсоветского пространства приступили к выстраиванию собственной исторической политики. Запущенные в тот период процессы самостоятельного государство- и нациестроительства сделали фактически безальтернативным антагонистический режим памяти, поскольку главной задачей постсоветских государств было утверждение собственных исторических нарративов, разрыв с бывшей «метрополией» и легитимация нового независимого существования. Существуют ли сегодня, по прошествии трех десятилетий с момента распада Советского Союза, шансы на формирование в бывшем СССР наднациональных исторических нарративов? В масштабах всего постсоветского пространства, разумеется, нет. Здесь отсутствует полноценный интеграционный проект, который включал бы в себя все 12 постсоветских государств; кроме того, слишком сильно разошлись траектории развития многих постсоветских политий, их внешнеполитическая ориентация и экономические интересы. Межгосударственные отношения в ряде случаев также остаются сложными — вплоть до открытого конфликта и разрыва дипломатических контактов. В такой ситуации было бы наивно рассчитывать на формирование транснациональных рамок памяти между Арменией и Азербайджаном, Узбекистаном и Таджикистаном, Россией и Грузией и так далее.

5 При этом на постсоветском пространстве можно выделить центральноазиатский регион, которому с момента распада СССР наиболее активно адресуются различные интеграционные проекты со стороны внешних игроков. В начале 1990-х гг. здесь активизировался Иран, пытавшийся экспортировать шиитский ислам, также пришла Турция со своей идеей «тюркского мира»; параллельно государства Центральной Азии стали участниками договора о коллективной безопасности под эгидой России (впоследствии — ОДКБ), а с начала 2010-х гг. реализуется идея евразийской интеграции (Таможенный союз — ЕврАзЭС — ЕАЭС), главным промоутером которой также выступает Россия; кроме того, Центральная Азия стала частью китайского проекта «Один пояс — один путь». В последние годы растет индийское и иранское проникновение в этот регион.

6 В современном мире выстраивание интеграционных проектов нередко опирается, среди прочего, и на гуманитарное взаимодействие, на элементы «мягкой силы». Последнее понятие может включать в себя апелляцию к общему прошлому, к единому культурному наследию, к историческим событиям, фигурам, мифам, которые объединяют разные страны. Иными словами, речь идет о как раз о попытках преодоления антагонистического режима памяти. Реализуем ли такой путь в постсоветской Центральной Азии? Какие «альянсы памяти» возможны между Россией/Турцией/Ираном/Китаем/Индией и странами региона? У кого из внешних игроков существует наибольший потенциал для выстраивания наднационального нарратива в регионе? Вот те основные вопросы, на которые хотели бы ответить авторы данной статьи.

Сразу после распада СССР Р. Брубейкер охарактеризовал постсоветские государства как «национализирующиеся», имея в виду, что постсоветские элиты рассматривали начавшиеся после 1991 г. процессы нациестроительства как движение в сторону этнокультурной, а не политической общности⁶. Вместо инклюзивного проекта гражданской нации, допускающего многоязычие, поликонфессиональность и прочие проявления культурного разнообразия, символические, экономические и административные ресурсы постсоветских государств были направлены на установление культурной гегемонии «титulyной» нации. Последняя же рассматривалась как единственный «законный» владелец нового государства. И хотя в период перестройки в Казахстане, Туркмении, Узбекистане, Таджикистане и Киргизии не наблюдалось сколько-нибудь мощного национального движения, после обретения независимости эти страны также оказались затронуты указанными тенденциями. Они проявлялись в сфере законодательства (в преамбуле Конституции 1995 г. специально подчеркивалось, что казахстанская государственность создается на «исконной казахской земле»⁷), языка (дискриминационные законы в отношении языков меньшинств) и статистики (например, туркменские власти сознательно занижают численность узбекского населения, чтобы придать стране более моноэтнический характер⁸). Этнические меньшинства нередко воспринимаются в центральноазиатском регионе как какой-то чужеродный элемент в национальном теле, их «видимость» в публичном пространстве сведена к минимуму. В такой ситуации неудивительно, что этноцентричным оказался и складывающийся исторический нарратив, который сознательно ставил знак равенства между историей страны и историей «титulyной» нации.

8 Если попробовать определить главную цель исторической политики центральноазиатских государств сразу после распада СССР, то таковой можно считать легитимацию самого факта получения независимости. Отсюда вытекали две следующие задачи: 1) показать, что пребывание «титulyной» нации в составе Российской империи (а часто и Советского Союза) было временем страдания и угнетения; 2) сформировать у граждан новых государств чувство гордости за прошлое, в котором был свой «золотой век», свои национальные герои и великие достижения. Очевидно, что все это крайне политизировало исторический дискурс и естественным образом работало на формирование антагонистического режима памяти.

9 Стоит заметить, что партикуляризм в политике памяти, стремление сосредоточиться на своем национальном нарративе и самовиктимизация во многом объясняются постколониальным состоянием центральноазиатских государств⁹. Разумеется, степень ощущения своей постколониальности была неодинаковой во всех пяти государствах. В Узбекистане и Туркмении постколониальный дискурс стал фактически доминирующим — показательно, например, что в Ташкенте существует Музей памяти жертв репрессий, экспозиция которого охватывает весь период пребывания этой республики в составе России-СССР. В Казахстане же идут серьезные дебаты о том, какие последствия имела инкорпорация этих территорий в состав России, и, по крайней мере, советский период многие казахстанцы не склонны рассматривать как колониальный. В Киргизии и Таджикистане постколониальной идентичности также приходится конкурировать с более позитивным отношением к советскому прошлому — скажем, в обеих странах именно коммунистический период считается временем (вос)создания национальной государственности в форме союзной республики¹⁰.

Центральной Азии можно, так или иначе, обнаружить тенденции к отталкиванию от общего прошлого, стремление продемонстрировать травматичность для своего народа событий имперской и советской истории. В этом смысле показательным примером является Киргизия — там 100-летняя годовщина восстания против царских властей (1916 г.) прошла на фоне весьма умеренной риторики со стороны официальных лиц, которые не поддерживали призывы из националистического лагеря приравнять подавление восстания к геноциду киргизского народа. С другой стороны, в это же время было принято решение об объявлении 7—8 ноября Днями истории и памяти предков — официальными датами, во время которых граждане страны будут отдавать дань памяти «жертвам национального восстания кыргызского народа» (имеются в виду как раз события 1916 г.) и «жертвам политических репрессий»¹¹. Аналогичным образом хотя первый президент Казахстана Н. Назарбаев призывал «не допускать политизации» темы голода начала 1930-х гг. в республике¹², тезис о казахстанском «голодоморе» все-таки стал важной частью публичного дискурса¹³, равно как и память о сталинских репрессиях против национальной интеллигенции или об алма-атинских событиях декабря 1986 г. (так называемый «Желтоксан»), трактуемых как противостояние казахов имперской политике центра.

11 Стремление новых независимых государств Центральной Азии «отстроиться» от прежнего советского нарратива, который делал акцент на общности исторических судеб всех народов СССР и обычно рассматривал вхождение национальных окраин в состав единого государства как прогрессивное явление (или хотя бы как «наименьшее зло» в сравнении с другими историческими альтернативами), вело к сокращению в учебных программах и музейных экспозициях всего, что было связано с российско-советским присутствием в регионе, к переименованию улиц и демонтажу памятников, а порой и к ревизии фондов библиотек и книгохранилищ с изъятием «неудобных» для нового нарратива изданий царского и советского времени¹⁴.

12 Постсоветское «переписывание истории» часто вызывало непонимание и даже враждебную реакцию в России, которая обнаруживала, что люди, маркированные знаком «плюс» в ее историческом нарративе, получали противоположную оценку, и наоборот — привычные отрицательные персонажи вдруг становились героями. Так произошло, например, с басмачами в Узбекистане, которые из бандитов и представителей «реакционных элементов» превратились в борцов за независимость. В случае с Ермаком в Казахстане история ровно обратная — «москвоцентричному» образу атамана как отважного покорителя Сибири противопоставляется контрдискурс о жестоком завоевателе — не случайно город Ермак был еще в начале 1990-х гг. переименован в Аксу, а памятник атаману демонтирован.

13 Не менее конфликтогенной по своей сути была и вторая задача, стоявшая перед акторами исторической политики после обретения независимости. Конструирование этнонациональной истории, во-первых, заставляло доказывать «исконность» проживания титульной национальности на данной территории, а, во-вторых, естественным образом вело к столкновению этноцентричных нарративов между собой, поскольку провоцировало борьбу за включение в свою национальную традицию различных исторических фигур, памятников культуры и великих государств древности.

14 Возможно, самый гротескный случай «изобретения традиции» представляла собой Туркмения при С. Ниязове, который объявил туркмен «неотъемлемой частью древних цивилизаций от Индии до Средиземноморья», изобретателями колеса и первой телеги, создателями древнетюркских рун и основателями семидесяти государств¹⁵. Впрочем, другие страны региона использовали похожую стратегию — древние государства, существовавшие на территории Центральной Азии, часто апроприировались национальной политической традицией. Это позволило, например, в 2003 г. отпраздновать на самом высоком уровне 2200-

летие киргизской государственности. Аналогичным образом «национализировались» и деятели прошлого — в казахи был зачислен средневековый мыслитель и ученый Аль-Фараби, в таджики — поэт Фирдоуси, в узбеки — философ Авиценна.

15 Упомянутую выше конкуренцию этнонациональных нарративов можно проиллюстрировать на примере Узбекистана и Таджикистана. Их сложные взаимоотношения привели, среди прочего, к активному выяснению вопроса о том, чья цивилизация древнее, а история богаче. В постсоветском Таджикистане создан едва ли не культ средневекового правителя Исмаила Самани, который считается основателем национальной государственности (в честь него названа национальная валюта и самая высокая вершина Памира)¹⁶. Империя Саманидов в период своего расцвета в конце IX — начале X вв. включала в себя значительную часть территории нынешнего Ирана, Афганистана и Центральной Азии, столицей же ее была Бухара — последнее обстоятельство особенно важно, учитывая, что таджики считают Бухару и Самарканд своим культурным и историческим достоянием, несправедливо отторгнутым в пользу Узбекской ССР во время национально-территориального размежевания 1920-х гг. В ответ среди узбекских историков существует стремление ограничить ареал «традиционного» проживания таджиков территорией Памирского нагорья с тем, чтобы дезавуировать территориальные претензии соседей¹⁷. Мифу об Исмаиле Самани Узбекистан противопоставляет культ другого великого завоевателя Тимура (Тамерлана), который включен в узбекский нарратив как национальный герой на том основании, что столица его державы находилась в Самарканде¹⁸, Саманиды же при этом часто пренебрежительно изображаются как «наместники багдадского халифа»¹⁹. Таджикистан делает акцент на своих арийских корнях, что позволяет искать корни национальной традиции в глубокой древности (в 2001 г. в стране торжественно отмечался 2700-летний юбилей священной зороастрийской книги «Авесты»), а заодно противопоставить свою «высокую» культуру «отсталой» тюркской. Однако узбекские интеллектуалы выдвинули контртезис о том, что древние арийцы были, на самом деле, тюркоговорящими²⁰. В свою очередь, Таджикистан отказывается признавать узбекскую принадлежность Алишера Навои и Авиценны, претендуя на их включение в собственный национальный пантеон.

16 Описанные казусы вполне объяснимы: новые политические нации испытывают особую потребность в героях, в объединяющих общество фигурах, которые могут стать символами независимости государства; крайне важна возможность апелляции к великой культурной и государственной традиции, которая позволит людям осознать древность своих корней, и которую можно будет предъявить каждому, кто скажет, что центральноазиатские государства — всего лишь порождение советской национальной политики.

17 Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сразу после распада СССР в Центральной Азии фактически не было предпосылок для формирования режима памяти, альтернативного антагонистическому. Этому мешала ситуация только что обретенной независимости, побуждавшая (в большей или меньшей степени) отталкиваться от бывшей «метрополии» и от общего с ней прошлого, а также необходимость заниматься нациестроительством в пределах новых государственных границ. Активизация этнонационализма в ходе распада СССР, сложные отношения с соседними государствами, конкуренция «мифов основания» внутри Центральной Азии — все это продуцировало конфликты по поводу прошлого и расчищало дорогу сугубо инструментальному подходу к истории, в рамках которого последняя призвана обеспечивать легитимацию актуальной политической повестки.

18 Сегодня, по прошествии почти трех десятилетий с момента распада СССР, отношения между пятью центральноазиатскими государствами во многом остаются непростыми, и потому вряд ли можно надеяться на появление *внутри* самого региона

тенденций к выстраиванию транснациональных «рамки памяти». Но может ли импульс к частичному преодолению партикуляризма в исторической политике прийти в Центральную Азию *извне*?

19 Задача последующих параграфов — проанализировать, как работает (и как может работать) фактор исторической памяти во взаимоотношениях стран Центральной Азии с теми внешними игроками, которые в постсоветский период приходят в регион с предложениями различных форм сотрудничества, вплоть до совместных интеграционных проектов. В конечном итоге, вопрос, на который предстоит нам ответить, можно сформулировать следующим образом: возможна ли в сегодняшней Центральной Азии перенастройка режима памяти с сугубо антагонистического на менее конфликтный?

20

Россия и страны Центральной Азии

В исторической политике, которую проводит в XXI в. российское государство, особое место занимает Великая Отечественная война. Нарратив о войне видится одной из главных «скреп» российской политической нации, поскольку 9 мая — единственный праздник с историко-политической нагрузкой, который по-настоящему объединяет российское общество и вызывает у людей ощущение сопричастности к нему. Неудивительно поэтому, что очередная годовщина Победы отмечается каждый раз с большим размахом; власть присваивает удачные «низовые» инициативы, связанные с празднованием 9 мая (георгиевская ленточка, Бессмертный полк) и реализует их не только на общегосударственном, но даже на международном уровне; наконец, официальная Москва всегда остро реагирует на попытки отойти от «канонической» для России трактовки истории Второй мировой войны. Любопытно, что в декабре 2019 г. на неформальной встрече глав государств СНГ президент Путин призвал своих коллег солидаризироваться с российской версией исторической правды о войне на том основании, что все постсоветские страны «в известной степени наследники Советского Союза»²¹ (поводом для заявления стало очередное осуждение европейскими политиками пакта Молотова-Риббентропа). Сам формат президентского заявления в виде почти часовой «лекции» по истории для лидеров постсоветских стран трудно признать удачным, однако, если размышлять о каких-то возможностях для России по выстраиванию партнерских «рамки памяти» со странами Центральной Азии, то тема совместной Победы — первое, что приходит в голову.

21 Война 1941—1945 гг. остается едва ли не единственным неконфликтным воспоминанием о прошлом, по поводу которого у России и стран Центральной Азии существует устойчивый консенсус. Все остальное — гораздо более спорно. Нынешняя Российская Федерация считает себя правопреемницей СССР, а за ним и всей «исторической России», однако едва ли где-то в «ближнем зарубежье» политические элиты готовы разделить тезис В. Путина о том, что распад СССР стал «крупнейшей геополитической катастрофой» XX в. Даже в тех странах, где сохраняется в какой-то мере позитивное отношение к советскому периоду, признание этого тезиса означало бы делегитимацию ключевого нарратива о долгожданном обретении независимости в 1991 г. Еще меньше шансов на достижение общего видения имперского периода, который в Центральной Азии однозначно воспринимается как колониальный (показательна негативная реакция казахстанской интеллигенции на попытку одного из местных предпринимателей поставить памятник Николаю II на севере страны в 2015 г.). В то же время применительно к войне с нацизмом сформировать транснациональные «рамки памяти» кажется вполне возможным — за постсоветский период в Центральной Азии по большей части не произошла радикальная ревизия памяти о событиях 1941—1945 гг.; история борьбы с нацизмом не вступает здесь в конфликт с мифологией национально-

освободительного движения, готового к коллаборационизму с немцами ради свержения советской власти (случай Украины или стран Балтии); наконец, пакт Молотова-Риббентропа — еще одна болезненная тема в конфликтах памяти между Россией и рядом посткоммунистических государств — не имел прямого отношения к судьбе народов советской Средней Азии.

22 В Казахстане, Таджикистане и Киргизии в официальном дискурсе сохраняется именование «Великая Отечественная война» (на значительной части постсоветского пространства оно заменено понятием «советско-германская война»), 9 мая здесь регулярно проходят военные парады, а президенты и другие официальные лица возлагают венки к монументам павшим воинам и обращаются с поздравлениями к согражданам. Символично, что в Киргизии в 2018—2019 гг. шествие «Бессмертного полка» в столице возглавлял президент страны С. Жээнбеков с портретом своего деда. Жээнбеков же подписал указ о подготовке к 75-летию празднования *ВОВ* на самом высоком уровне, «учитывая всемирно-историческое значение Победы, отдавая дань глубокого уважения героизму и подвигу советского народа»²². Сохраняются и «места памяти», связанные с *ВОВ*, — в 2015 г. в Астане был открыт Военно-исторический музей, в экспозицию которого вошли портреты казахов-Героев Советского Союза, памятник 28 панфиловцам, артефакты, посвященные обороне Брестской крепости, Сталинградской битве и взятию Берлина.

23 Обращение к современным учебникам истории этих стран показывает, что *ВОВ* продолжает рассматриваться в них как общее дело всех народов Советского Союза, в который вносили свой вклад уроженцы Казахстана, Таджикистана и Киргизии. Так, авторы казахстанского учебника сообщают, что на фронт был призван каждый четвертый житель Казахстана, и многие уроженцы республики принимали участие в боях под Москвой, в Сталинградской, Курской битвах и так далее²³. Много внимания уделено роли советского Казахстана как экономической и интеллектуальной базы будущей Победы — школьникам рассказывают об эвакуации в республику предприятий, научных институтов, военных училищ. Аналогичную картину демонстрирует и киргизский учебник по истории — там можно найти подпункты «Войны Кыргызстана в битвах 1941 г.», «Войны Кыргызстана в битвах 1942—1943 гг.», «Дружба и сотрудничество народов в годы войны» и так далее²⁴. Учебники по истории Таджикистана оказались для нас недоступны, однако, насколько можно судить, существенной переоценки истории войны после 1991 г. в этой стране также не произошло. Показательно, например, что видный таджикский историк Р. Масов выпустил в 2015 г. книгу с названием «Ратный и трудовой подвиг таджикистанцев в годы Великой Отечественной войны», в которой он обосновывал решающий вклад СССР в победу над Германией²⁵.

24 В свою очередь, Туркмения и Узбекистан не готовы уже безоговорочно ориентироваться на советский нарратив о войне. В Узбекистане понятие «ВОВ» исчезло из публичного дискурса, а соответствующая глава учебника начинается с подробного рассказа об аннексии Советским Союзом Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии. Руководство СССР наряду с представителями европейских правящих кругов называется одним из виновников «развязывания Второй мировой войны»²⁶. И, тем не менее, в рассказе о событиях 1941—1945 гг. в целом сохраняется та же направленность, что и у соседей Узбекистана по региону — школьники узнают об участии узбекистанцев в важнейших сражениях на советско-германском фронте (§ 18 «Героизм и подвиги узбекистанцев на фронтах»), а один из подразделов этого параграфа называется «Роль Узбекистана в сохранении интеллектуальной элиты России, Белоруссии и Украины» (речь идет об эвакуации в республику деятелей культуры и науки). Пожалуй, наиболее далеким от остальных выглядит нарратив о войне, сформировавшийся в независимом Туркменистане, где даже коренной перелом в войне связывается не со Сталинградской и Курской битвами, а с событиями на

25 Таким образом, оставляя за скобками Туркменистан, мы можем говорить о сохранении транснационального нарратива о войне и Победе, объединяющего Россию и страны Центральной Азии, потому что несмотря на произошедшую «национализацию» памяти о войне²⁸, все-таки невозможно рассказывать о подвигах уроженцев Казахстана, Киргизии, Узбекистана или Таджикистана, не упоминая оборону Москвы, Сталинградскую битву или взятие Берлина. Более того, мы можем говорить и о существовании совместных коммеморативных практик в отношении войны — в виде «Бессмертного полка», регулярного участия лидеров центральноазиатских государств в Параде Победы на Красной площади и так далее.

26 Разумеется, тот факт, что постсоветское пространство одновременно является и пространством постимперским, по-прежнему добавляет определенные сложности в процесс выстраивания космополитического режима памяти о войне. Эти сложности не исчезли и сегодня, спустя 30 лет после распада СССР. Центральноазиатские элиты порой настороженно относятся к внедрению у себя российских практик коммеморации и стремятся от них дистанцироваться — так, в Узбекистане времен И. Каримова георгиевская лента была запрещена, а в Казахстане и Киргизии был введен свой аналог этого символа в цветах национального флага. Известны случаи запрета акции «Бессмертный полк» (например, в Таджикистане в 2017—2018 гг.), которая, очевидно, слишком явно ассоциируется с российским влиянием, учитывая, что в ее организации за рубежом часто принимают участие российские посольства и офисы «Россотрудничества». В Туркменистане с 2017 г. 9 мая перестал быть выходным днем, а в Узбекистане День победы переименован в День памяти и почестей (с другой стороны, к 75-летней годовщине окончания войны в Ташкенте открыт Парк Победы).

27 Другими словами, существует целый ряд разнонаправленных тенденций, некоторые из которых благоприятствуют складыванию партнерских «рамки памяти» о войне между Россией и странами Центральной Азии, а некоторые — объективно препятствуют этому. Тем не менее, хочется еще раз подчеркнуть, что потенциал для сотрудничества на уровне исторической политики между Россией и государствами региона действительно огромен. Например, мы могли бы дополнить воспоминания об общих военных победах в 1941—1945 гг. гуманитарной тематикой, о которой обычно говорят значительно реже. Ведь советская Средняя Азия сыграла особую роль в истории *ВОВ*, став местом эвакуации миллионов советских граждан из европейской части страны. Здесь в годы войны жили и работали выдающиеся деятели культуры вроде А. Толстого, И. Эренбурга и А. Ахматовой, здесь нашли прибежище евреи, спасавшиеся от истребления на оккупированных территориях, сюда привозили детей из блокадного Ленинграда и других советских городов. Один только Узбекистан принял около 200 тыс. детей, в этой республике среди местных жителей возникло даже движение за усыновление детей-сирот²⁹ — в память о нем в Ташкенте после войны был поставлен памятник семье Шамахмудовых, которые усыновили 15 прибывших детей. Не менее впечатляющая история киргизки Т. Алтыбасаровой и ее односельчан, которые приняли и вместе вывели 160 детей из блокадного Ленинграда в тяжелейшие дни войны. Представляется, что такие по-настоящему человеческие истории единения людей разных национальностей могли бы служить и определенным подспорьем в борьбе с ксенофобией в отношении мигрантов из Центральной Азии, которая часто наблюдается в современной России.

Несмотря на то, что Центральная Азия, как было отмечено ранее, в российской трактовке включает в себя пять постсоветских республик, в современной теории международных отношений имеются расхождения в том, какие государства и территории следует относить к Центральной Азии. Так, активно применяется американский концепт Большой Центральной Азии, в которую помимо указанных республик, включаются также Афганистан и частично Пакистан (вплоть до более широкой трактовки, в которой предлагается объединять в единый мегарегион центрально-азиатские республики и южно-азиатский субконтинент). Подобные идеи получили развитие в начале 2010-х гг. в американской внешнеполитической доктрине «Новый Шелковый путь». Концептом Большой Центральной Азии, в свою очередь, активно пользуются индийские историки, политологи, экономисты. Китайские эксперты нередко ассоциируют с Центральной Азией также Монголию и Синьцзян, акцентируя отдельное внимание на историко-культурном взаимодействии Китая и государств Центральной Азии, возникшем и развивавшемся благодаря Великому Шелковому пути. Существуют также активные попытки определения региона посредством идей тюркского единства и соответствующего исторического нарратива пантюркизма³⁰. Далее, фиксируются значимые устремления в качестве основной предложить религиозный, исламоцентричный, вариант истории региона. К примеру, в Кыргызстане религиозно ориентированный исторический нарратив распространяется в мечетях и медресе. Количество мечетей уже превышает число общеобразовательных школ³¹. Стремительными темпами строятся намазканы, которые есть даже в Доме правительства и Жогорку Кенеше (киргизском парламенте). Более того, в 2014 г. строительство дополнительной намазканы в Жогорку Кенеше спонсировалось Всемирной ассамблеей мусульманской молодежи — организацией, получающей основное финансирование из Саудовской Аравии. Наблюдается исламизация высшего образования. При Киргизском государственном университете функционирует теологический колледж, готовящий специалистов для муфтията. А в 2017 г. Исламский университет, существующий с 1991 г., получил государственную лицензию на ведение образовательной деятельности в области теологии. В «религиозной» интерпретации история Центральной Азии разворачивается как закономерная последовательность этапов распространения ислама, способствовавшего продуктивному развитию соответствующих территорий. Отдельно подчеркивается логичность включения центрально-азиатских государств в ареал исламской цивилизации³². Вместе с тем, упускается то, что исламизация региона шла рывками, не было и однозначных периодов победоносного шествия ислама: параллельно существовали иные религиозные культы, в том числе христианство, буддизм, зороастризм и манихейство.

29 Таким образом, выраженная нарративная рассогласованность в современной Центральной Азии является следствием определенной подвижности геополитических и аксиологических границ региона, которые подвергаются корректировке как под внутренним воздействием национальных стратегий молодых государств, так и в рамках активности заинтересованных внешних акторов, вступивших в энергичную борьбу за установление влияния и даже доминирования в регионе.

30 Важно также отметить, что принципиальным следствием частичного обновления или полной смены нарративных стратегий в «антагонистическом» режиме памяти становится формирование своеобразных историко-культурных лакун, существенно модифицирующих пространство «свой-чужой». Процесс конституирования национальной истории, связанный со смещением рамок для маркирования «своей» и «чужой» истории, создает возможности для переосмысления или включения новых элементов (фактов, событий, персоналий и других) в интерпретацию исторического процесса, что позволяет расширять пространство для маневра со стороны внешних (в случае с Центральной Азией — внерегиональных) акторов,

предлагающих «забытые» сюжеты и образы *совместного* опыта прошлого. Указанные корректировки национального нарратива при благоприятных условиях способны задавать перспективу и для формирования над(меж)национальной истории. Попробуем оценить реальные предпосылки для подобной перспективы со стороны внерегиональных акторов.

31

Внерегиональные акторы Центральной Азии в поисках совместного прошлого

Одним из первых государств, выразивших готовность восстановить историко-культурные связи с государствами Центральной Азии в первой половине 1990-х гг., была Исламская республика Иран. И сегодня «прежний исторический опыт тесных связей с Центральной Азией подогревает стремление Ирана «воссоединиться» с регионом, игравшим некогда ключевую роль в его собственной истории»³³. Тегеран «напоминает» о существовании взаимозависимости с Центральной Азией еще со времен древней державы Ахеменидов (550—330 гг. до н. э.), однако, в большей степени обращается к персидскому культурному наследию. Фарси продолжал использоваться как основной язык науки, литературы и дипломатии в регионе даже после туркизации, тем более что южная часть Центральной Азии оставалась в формальном подчинении шахской династии Сефевидов. Как известно, таджикский язык признается в качестве одного из основных диалектов персидского языка и обозначается как среднеазиатский фарси. Кроме того, узбекская Бухара как древний персидский город долгое время являлась признанным историческим центром персидской культуры. В то же время, несмотря на то, что в 1990-е гг. Тегеран предпринимал шаги по распространению ислама шиитского толка, в настоящее время он не ставит в качестве основной цели экспорт исламской революции в страны Центральной Азии³⁴. У политического руководства страны есть понимание, что подобная установка вызывает опасения со стороны политических элит центральноазиатских республик, стремящихся законсервировать установившиеся национальные политические режимы. При этом регион как ареал проживания населения, исповедующего ислам, с конфессиональной точки зрения тяготеет к исламу суннитского толка. Поэтому в настоящее время Иран вынужден отказаться от формирования совместного исламоцентричного нарратива с государствами Центральной Азии, сделав ставку на экономическую целесообразность, развивая в первую очередь торгово-экономические связи со странами региона.

32 В отличие от Ирана, Турции, пусть и с определенными оговорками, удастся оставлять на повестке вопрос особой исторической и социокультурной близости со странами Центральной Азии. С 1990-х гг. тюркские страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан) в высокой степени вовлечены в проект тюркского единства, продвигаемый Турцией. Анкара настаивает на особой взаимосвязи тюркских (тюркоговорящих) народов Центральной Азии, возникшей, благодаря существованию государств, входивших в так называемых 16 тюркских империй (среди них, Государство Хорезмшахов, Золотая Орда, Государство Тимуридов, Империя Великих Моголов).

33 Значимую роль в возможном возрождении тюркского тандема играет Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Нахичеванское соглашение), созданный в 2009 г. Турцией, Азербайджаном, Кыргызстаном и Туркменистаном. Некоторое время тюркоязычный Узбекистан держался в стороне от деятельности Совета, делая акцент на том, что не желает рассматривать Турцию как «старшего брата» в тюркском мире, но 14 сентября 2019 г. также официально вошел в состав членов структуры. В Министерстве иностранных дел Казахстана, в свою очередь, отметили исторический характер принятого Ташкентом решения³⁵. Проблемами

сохранения исторической памяти тюркского мира под эгидой Совета сотрудничества тюркоязычных стран занимаются такие структуры, как Тюркская Академия и Фонд «Наследие тюркской культуры». Они концентрируются на проблемах формирования тюркского исторического сознания, сохранения и развития культурных связей между тюркскими народами. Таким образом, деятельность по формированию общего исторического нарратива между Турцией и тюркскими государствами Центральной Азии институализирована. Небезынтересной является практика ежегодного определения культурной столицы тюркского мира, что курируется еще одной институцией — Международной организацией тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). Так, в 2019 г. культурной столицей тюркского мира являлся киргизский город Ош, перенявший эстафету от казахстанского города Туркестан³⁶. В 2020 г. этим городом стал город Хива (Узбекистан)³⁷. Несмотря на то, что главная задача подобной активности вполне прагматична (привлечение туристов), параллельно идет своеобразное уточнение исторической роли различных тюркских городов, в том числе городов Центральной Азии.

34 И все же Турции не удастся в полной мере сформировать режим над(меж)национальной истории, так как «большинство новорожденных тюркоязычных государств СНГ бдительно относятся к интеграции тюркоязычных народов под эгидой Анкары»³⁸. Соответствующий фактор, как и в случае с Ираном, таким образом, имеет определяющее значение. Кроме того, как отмечает ассистент-профессор Высшей школы государственной политики Назарбаев Университета (Казахстан) Бурханов А., «отношения между некоторыми тюркскими государствами остаются непростыми и восприятие проекта интеграции на тюркском пространстве сильно отличается от страны к стране»³⁹. Эту мысль развивает директор Института национальных исследований (Казахстан) Нурмухамедов Б.: «Наивно ожидать, что процесс сближения стран тюркского мира когда-нибудь пойдет семимильными шагами <...>. Тюркский мир достаточно разноплановый, с разными историческими, культурными парадигмами, и найти точки соприкосновения в нем далеко не просто <...>. У тюркских народов и государств различные уровни самоидентификации. Кто-то упирает на свою особенность, как, например, Узбекистан, который довольно тяжело двигается в сторону какого-либо союзничества. Кто-то же опасается доминирующего положения других, более крупных и сильных государств, например, Турции»⁴⁰.

35 Параллельно с активностью Анкары не отказывается от устремлений выстроить общий исторический нарратив при помощи символического обращения к Великому шелковому пути Пекин. Интеграционные проекты, которые Китай предлагает странам современной Центральной Азии, апеллируют к исторически сложившимся еще с древних времен географическим маршрутам. КНР активно обосновывает свою активность необходимостью возрождения Шелкового пути, но уже в качестве улучшенного варианта, нового коридора движения товаров и услуг в соответствии с современными потребностями.

36 Следует отметить, что к одному из самых известных в истории человечества торговому маршруту обращаются как к национальному достоянию и другие государства Центральной Азии. Так, в Казахстане рассуждают не только о развитии казахских земель, благодаря этой великой средневековой торговой магистрали, но и рассматривают Великий шелковый путь как особый феномен, повлиявший на культурно-исторический ландшафт государства⁴¹.

37 Все более усиливающийся в Центральной Азии Узбекистан также демонстрирует историческую гордость за узбекскую часть Великого шелкового пути, которая находилась в центре сети дорог и направлений Великого шелкового пути. Здесь еще в 1990-е гг. были проведены значимые археологические и реставрационные работы по архитектурным объектам тракта Хива-Бухара-Самарканд-Ташкент. Многое было сделано в рамках реализации

программы ЮНЕСКО «Возрождение Великого шелкового пути — пути диалога и сотрудничества». Во второй половине 2010-х гг. узбекскими и китайскими археологами были проведены несколько успешных совместных раскопок в целях лучшего изучения древних узбекских городов. В частности, реализована программа по сохранению археологического наследия в Хиве, которая, без преувеличения, в настоящее время превратилась в полноценный город-музей.

38 К особому межкультурному диалогу между Узбекистаном и Китаем в контексте Великого шелкового пути, их совместному вкладу в развитие мировой цивилизации, в Узбекистане обращаются для обоснования сотрудничества двух стран не только в экономической, но и в научно-технологической сфере. Так, рассуждая о значимых основаниях для подписания в ноябре 2018 г. Договора о развитии научно-технического сотрудничества между Академией наук Китая и Академией наук Республики Узбекистан, вице-президент Академии наук Узбекистана Бахтиер Ибрагимов отмечал следующее: «Территория нынешнего Узбекистана издревле являлась важным узлом на Великом Шелковом пути, который способствовал развитию связей, обмену информацией между государствами и регионами, распространению новых видов продукции, взаимообогащению культур»⁴².

39 В целом Пекин выражает особую заинтересованность в развитии программ предоставления помощи в сохранении археологического наследия Великого шелкового пути государствам Центральной Азии. Кроме того, ведется работа по совместному с государствами Центральной Азии обозначению роли Великого шелкового пути во всемирном историко-культурном наследии. Например, в июне 2014 г. Великий шелковый путь по сети маршрутов «Чанань — Тянь-Шанский коридор» официально вошел в Список всемирного наследия ЮНЕСКО⁴³. Заявка охватывает 33 объекта, была подготовлена и представлена тремя странами: Китаем (22 объекта), Казахстаном (8 объектов) и Киргизией (3 объекта).

40 Как видно, активность Китая в формировании совместного исторического нарратива со странами Центральной Азии носит системный характер. И все же, насколько вероятен синоцентричный исторический нарратив Центральной Азии?

41 Позиции КНР в современной Центральной Азии неоднозначны. Хотя Китай выступает в качестве одного из ключевых инвесторов для стран региона, находя отклик со стороны политического руководства этих стран, которое готово тесно сотрудничать с китайскими коллегами по различным проектам экономического развития, уровень недоверия к китайцам в странах Центральной Азии по-прежнему достаточно высок. Помимо опасений в формировании экономической и политической зависимости это вызвано среди прочего тем, что определяется как «исторические опасения по поводу китайского влияния»⁴⁴. Во многом, указанные опасения связаны с так называемым уйгурским фактором, а именно, с политикой Китая в отношении Синьцзяна (Восточный Туркестан), что в переводе означает «Новая граница». Со второй половины XVIII в. коренной тюркский народ этой территории, уйгуры, оказались в вассальной зависимости от Китая. Отношения между оседлым Китаем и кочевыми уйгурами складывались непросто, регулярными стали уйгурские восстания, периодически приводившие к фактической независимости Восточного Туркестана. В настоящее время обстановку в Синьцзян-уйгурском автономном округе также нельзя считать стабильной. Национальный состав проживающего в округе 22-миллионного населения достаточно пестрый: это 47 национальностей, среди которых, помимо уйгуров и китайцев-хань, заметное место также занимают такие тюркские народности, как казахи, киргизы, ваханцы, узбеки, татары и др. Пекин использует достаточно жесткие меры контроля над территорией, особенно над уйгурами, среди которых по-прежнему сильны сепаратистские настроения. Сами уйгуры идентифицируют себя в первую очередь через ислам, соотнося свою историю с Центральной Азией как частью исламской цивилизации. Они находят поддержку и сочувствие среди

последователей ислама в Центральной Азии. Притеснение мусульман-уйгуров «вызывает возмущение у религиозных слоев населения. По их мнению, китайцы видят во всем мусульманском и тюркском населении исключительно источник терроризма и экстремизма»⁴⁵. Уйгурский фактор китайской политики, таким образом, продолжает оставаться существенной преградой в попытках сформировать синоцентричный нарратив в Центральной Азии.

42 Существует несколько соприкасающихся ментальных установок по репрезентации в историческом процессе у Индии и государств Центральной Азии. В глобальном историческом процессе и современная Индия, и государства Центральной Азии нередко рассматривают свой исторический опыт через призму колониального наследия. Конечно, в современной историографии рассмотрение положения Индии в составе Британской империи отличается от оценок инкорпорирования среднеазиатских территорий в состав Российской империи. Даже в период военных походов русской армии против центральноазиатских ханств во второй половине XIX в. восприятие России и русской культуры со стороны местного населения трансформировалось от образа «завоевателя, врага и угнетателя» к образу «мудрого покровителя», «белого падишаха», сильного, но доброго в своей заботе о подданных⁴⁶. Некоторые индийские политические аналитики (Менон Р., Шаранья Р.), однако, пытаются рассматривать центрально-азиатские политические процессы XIX в. через призму «экспансий Российской и Китайской империй в Центральную Азию»⁴⁷.

43 В любом случае, дискуссии относительно «суровой царской колониальной политики»⁴⁸ не отменяют предложенную индийскими историками трактовку вынужденной прерванности историко-культурных связей между северной частью индийского субконтинента и Центральной Азией, начиная с XVIII в. вплоть до наших дней⁴⁹. Действительно, активные торгово-экономические взаимодействия между государственными образованиями полуострова Индостан и, в первую очередь, Ферганской долины известны с древнейших времен. Они привели к установлению тесных межкультурных контактов, межэтническому взаимодействию, которое усиленно развивалось и в Средние века. Интенсивность межкультурных контактов привела к распространению буддизма из Индии на территории Центральной Азии, и наоборот, позднее суфизм пришел в Индию из Центральной Азии. Развитие межкультурных связей было прервано после значимых геополитических изменений, в ходе которых Центральная Азия в XIX в. превратилась в пространство противостояния Великобритании и Российской империи. Поскольку Великобритания рассматривала продвижение царской России в этом регионе как возможную угрозу своему колониальному господству на Индийском субконтиненте, в XIX в. динамизм индо-центрально-азиатских взаимодействий (поскольку они не могли более носить какой-либо самостоятельный характер) затормозился, уступив место полноценному русско-английскому соперничеству. Тем не менее, в центрально-азиатском регионе Индия продолжала и продолжает восприниматься в позитивном ключе. Ведь даже в советский период, в силу стратегического партнерства с СССР, Индия после обретения независимости имела возможность развивать межкультурные коммуникации со среднеазиатскими советскими республиками. Так, в Ташкенте находились одни из лучших типографий, производивших печатные материалы на индийских языках, более того, в Узбекистане сформировалась сильная школа переводчиков, продолжающая развивать отдельные методики преподавания хинди и урду в современных условиях.

44 После распада СССР индийское политическое руководство в 1990-е гг. воспринимало руководство новых национальных республик как наследников советской политической культуры, но достаточно быстро отошло от установки рассматривать советское наследие в качестве фактора, определяющего политический курс и принципы принимаемых управленческих решений. С 2012 г. Центральная Азия на официальном уровне признана Нью-Дели в качестве стратегического направления, в том числе в рамках реализации

внешнеполитической стратегии Central Asia Connect Policy⁵⁰. С 2012 г. Индия ушла от политики первостепенного взаимодействия в Центральной Азии с Таджикистаном, выраженную кризисность и политическую нестабильность которого в 1990-е гг. Нью-Дели связывал с активностью внешних исламистских сил, поддерживающихся Пакистаном, нередко опосредовано через афганских моджахедов. Отныне, презентуя себя как паназиатского игрока, Индия заинтересована в гармонизации влияния в Центральной Азии, которое невозможно без обращения к общим историческим нарративам.

45 На экспертном уровне Индия склоняется к более активному обращению сразу к нескольким сюжетам *совместной* истории южно-азиатского субконтинента и центрально-азиатского региона. В содержательном плане акцент делается на апелляции к персоналиям, в равной степени признаваемым значимыми историческими фигурами вплоть до восприятия их в качестве национальных героев как в странах Центральной Азии, так и в современной Индии: в первую очередь, это Кутбuddin Бахтияр Каки, Захир-ад-дин Мухаммад Бабур и Мирза Мухаммед Хайдар Дулати.

46 Кутбuddin Бахтияр Каки — авторитетный суфийский святой ордена Чишти, прибывший в Дели из Оша, благодаря стараниям которого расширилось распространение суфизма в Индии в начале XIII в. Выходец из Андижана Ферганской долины, внук Тамерлана Захир-ад-дин Мухаммад Бабур стал основателем династии Великих Моголов, одной из самых сильных империй в индийской истории (1526—1540 гг. и 1555—1858 гг.). И наконец, Мирза Мухаммед Хайдар Дулати, будучи родом из Ташкента, вошел в индийскую историю как талантливый государственный деятель и военачальник, завоевавший Кашмир. Именно он правил в кашмирских землях от имени Бабуридов, сделав их процветающей территорией, несмотря на то, что вынужденно оказался на службе. Дулати также признается крупным тюркским государственным деятелем, ученым-историком в Казахстане и Узбекистане. В Казахстане, благодаря труду «Тарих-и-Рашиди» он считается первым казахским историком, более того, он возведен в ранг национального героя, ему установлены памятники, в честь него названо несколько улиц в крупных городах, в том числе в Нур-Султане, его профиль прорисован на денежных купюрах, его имя носят образовательные учреждения. Индия поощряет стремления Казахстана к героизации Дулати. Так, в январе 2018 г. в кашмирском городе Сринагар была торжественно открыта отреставрированная по инициативе посольства Казахстана в Индии могила Дулати. Индийская сторона при активном участии Индийского археологического надзора создала на кладбище султанов империи Великих Моголов «Мазар-и-Силатин» необходимые для этого условия⁵¹. Важно также отметить, что обращение со стороны Нью-Дели к историческим персоналиям Империи Великих моголов размывают символическую монополизацию этой политической формы со стороны Турции, включающую его в перечень 16 великих тюркских империй в истории Турции.

47 Казахские ученые не остаются в стороне и также работают над возможным развитием индийско-казахского исторического нарратива. Так, профессор из Института востоковедения Казахстана историк Абусеитова М. Р. начинает отсчет межплеменных этнокультурных контактов со времен существования на полуострове Индостан доарийской Хараппской цивилизации, то есть еще с 3 тысячелетия до н. э. И это с учетом того, что об особенностях существования Хараппской цивилизации современной науке известно не слишком много. До сих пор не дешифрована пиктографическая письменность, нет и ясного понимания относительно того, какая этническая общность была определяющей, выявлено несколько антропологических типов. Одновременно профессор Абусеитова М. Р. отмечает особую степень влияния буддизма на развитие контактов между Индией и Центральной Азией: «Проникновение этой религии в Казахстан и Центральную Азию положило начало новой эре в отношениях между этими двумя регионами. Влияние буддизма было настолько сильным и разнообразным, что в Центральной Азии и Казахстане сформировалась новая культура. Эта

культура собрала лучшее, что было сделано древними и населением Центральной Азии и Казахстана в предыдущие века»⁵². В любом случае, значимым фактом является стремление на уровне научного сообщества упрочить исторические основания индийско-казахского взаимодействия.

48 Резюмируя, все же отметим, что современная Центральная Азия пока не демонстрирует предпосылок системного формирования «космополитического» или общего над(меж)национального режима памяти. Нельзя не согласиться с исследовательницей из Лейденского университета Паскалевой Е.: «Рассматривать культуру и границы Центральной Азии как прочную реальность было бы анахронизмом. В Центральной Азии нет ничего крепкого, это многогранная культурная ойкумена»⁵³.

49

Выводы

Пока мы живем в мире национальных государств, в политике памяти объективно будет доминировать нациоцентричный исторический нарратив, антагонистический по своей природе. Без глубокой политической интеграции, предполагающей формирование наднационального политического сообщества, трудно ожидать и принципиального переформатирования политики памяти. Между тем, межгосударственное взаимодействие в нынешней Центральной Азии, будь то под эгидой России, Китая, Турции и так далее, ориентировано скорее на различные форматы *сотрудничества* между странами, нежели на их полноценное *политическое объединение*.

50 С другой стороны, сказанное не исключает возможности определенной *перенастройки* режимов памяти, перехода к менее конфликтному модусу исторической политики в интересах плодотворного межгосударственного сотрудничества. Как было показано в статье, несмотря на нарративную рассогласованность, «альянсы памяти» по поводу отдельных событий, сюжетов и исторических фигур возможны в рамках взаимодействия стран Центральной Азии с внешними игроками. Важно отметить, что позиция России на фоне ее конкурентов за влияние в регионе не выглядит абсолютно проигрышной, даже наоборот — транснациональные рамки памяти между Россией и странами Центральной Азии могут выстраиваться по поводу события, достаточно близкого к нам по времени (Война 1941—1945 гг.), а потому обладающего большой эмоциональной силой. В этом смысле общая память о средневековых героях или схожем колониальном опыте (как в случае с Индией), либо же ощущение со-принадлежности к истории Великого шелкового пути (как в случае с Китаем) не имеет такого потенциала для эмоциональной вовлеченности людей по разные стороны границ. В пользу России работает и реальная транснациональная память на низовом уровне (легко можно представить казахстанца, хранящего фотографию прадедушки, погибшего в битве под Москвой или узбекистанца, в чьем доме во время войны жили беженцы из оккупированных немецкими войсками территорий). Это как раз та самая ситуация, когда мы можем, говоря словами А. Ассман, «возвыситься над разделяющими воспоминаниями»⁵⁴.

Примечания:

1. Erli A. Wars We Have Seen: Literature As a Medium of Collective Memory in the “Age of Extremes” // Lamberti E. and Fortunati V. (eds). *Memories and Representations of War: The Case of World War I and World War II*. Amsterdam; N. Y., 2009. P. 41—42.

2. Levy D., Sznajder N. Memory Unbound: the Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5. № 1. P. 87—106.

3. Bull A. C., Hansen H. L. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. № 4. P. 390.
4. Beyen M. A Parricidal Memory: Flanders' Memorial Universe as Product and Producer of Belgian History // Memory Studies. 2011. Vol. 5. № 1. P. 32—44.
5. Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти: причины и последствия // Полития. 2019. № 3(94). С. 87.
6. Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // Daedalus. 1995. Vol. 124. № 2. P. 107—132.
7. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
8. Ильхамов А. Постсоветская этнография, мифотворчество и власть // Ab imperio. 2005. № 4. С. 331.
9. Не вступая в сложную дискуссию об имперской природе советского государства, мы хотели бы отметить, что речь в данном случае идет лишь о том, как эта ситуация обычно *воспринимается* на бывших национальных «окраинах» СССР после обретения независимости.
10. Abashin S. Nation-construction in post-Soviet Central Asia // Soviet and post-Soviet Identities / ed. by M. Bassin, C. Kelly. Cambridge, 2012. P. 152—153.
11. В Кыргызстане 7 и 8 ноября установлены как Дни истории и памяти предков [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
12. Глушкова С. Назарбаев просит не политизировать тему Голодомора // Радио Азаттык. 31.05.12 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
13. Отмечаемый 31 мая День жертв политических репрессий с 2007 г. стал называться Днем жертв политических репрессий и голода.
14. Горшенина С. «Культурное наследие» Узбекистана и конструирование «коллективной памяти» в эпоху независимости // Центральная Азия — 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии / ред. М. Ларюэль, А. Курманова. Институт европейских, российских и евразийских исследований, ун-т Дж. Вашингтона. Март 2017. С. 60—61.
15. Шнирельман В. Президенты и археология, или что ищут политики в древности // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 198—199.
16. Абашин С. Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2008. С. 366.
17. Horac S. In Search of History of Tajikistan. What Are Tajik and Uzbek Historians Arguing About? // Russian Politics and Law. 2010. Vol. 48. № 5. P. 67.
18. Soest Ch., Grauvogel J. Comparing Legitimation Strategies in Post-Soviet Countries // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia / ed. by M. Brusic, J. Ahrens, M. S. Wessel. P. 32—33.
19. Horac S. In Search of History of Tajikistan. What Are Tajik and Uzbek Historians Arguing About? // Russian Politics and Law. 2010. Vol. 48. № 5. P. 70.
20. Khalid A. Making Uzbekistan. Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Cornell. Ithaca; L., 2015. P. 395.
21. Неформальный саммит СНГ // Президент России. 20.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
22. Отметить 75-летие Победы в ВОВ как всенародный праздник — указ Жээнбекова // Sputnik.kg [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
23. Агаян Б. Г., Шаймерденова М. Д. История Казахстана (начало XX в. — настоящее время). Учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2013. С. 160—164.
24. Иманкулов М. К. История Кыргызстана (XX—XXI вв.) 9 класс. Учебник для общеобразовательных школ. Бишкек, 2014. С. 107—123.
25. Нурова Х. С. Вклад академика Р. М. Масова в изучение истории и историографии таджикского народа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 2019. С. 69—70.
26. Ражабов К., Замонов А. История Узбекистана. Учебник для учащихся 10-классов средних образовательных учреждений и учреждений среднего специального, профессионального образования. 1-ое издание. Ташкент, 2017. С. 87.
27. Скаков А.Ю. Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана // Историческая экспертиза. 2016. №1. С. 117.

28. «Национализация» памяти проявляется в том, что акцент в каждой стране сделан на своих героях и на своем участии в тех трагических событиях. Например, в Казахстане вам обязательно расскажут, что участие в обороне Брестской крепости принимали уроженцы этой республики, а Знамя Победы над рейхстагом водрузил казах Р. Кошкарбаев. См.: Журнал «Коммерсантъ Власть». № 16. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
29. Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941—1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
30. Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. 12 (4). С. 113—129.
31. В Кыргызстане мечетей больше, чем общеобразовательных школ // Новости Кыргызстана. 08.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
32. Дюшенбиев С. У. Ислам в современном Кыргызстане: состояние и проблемы // Религиоведение. 2011. № 3. С. 107—126.
33. Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. Вып. 4. С. 131—143.
34. Мехдиев Э. Т. Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // Международные отношения. 2017. № 4. С. 1—15 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
35. Узбекистан вступил в Тюркский совет // Срочные новости Узбекистана. 16.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
36. Ош объявлен культурной столицей тюркского мира на следующий год // Sputnik — Кыргызстан. 19.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
37. Хива названа культурной столицей тюркского мира на 2020 г. // Sputnik — Узбекистан. 02.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
38. Фань А. Исторический караул Эрдогана, или мечты турецких пантюкистов / Официальный сайт Центра военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России. 20.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
39. Кисткина Ю. Мифы и реальность тюркского единства // Central Asia Monitor. 11.08.2017 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
40. Там же [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
41. Кулсариева А. Т., Султанова М. Э., Шайгозова Ж. Н. Великий Шелковый путь и тенгрианство в стратегиях культурной политики современного Казахстана // Nowa Polityka Wschodnia. 2017. № 4 (15). С. 96—111.
42. Эксклюзив: Узбекско-китайское сотрудничество в сфере научных исследований может стать локомотивом развития человеческой цивилизации — узбекский академик // Рамблер. 31.10.2019 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
43. Великий шелковый путь включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО // Культура-ТАСС. 22.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
44. Кофнер Ю. Большая Евразия. Образ будущего ЕАЭС / Российский совет по международным делам. 27.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
45. Умаров Т. На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая / Московский центр Карнеги. 25.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
46. Лисицына Н. Н. Расширение Российской империи в Центральной Азии и восприятие русских и России населением Туркестана (вторая половина XIX в.) // Вестник МГУ им. М. А. Шолохова. № 2. 2014. С. 26—30.
47. Menon R., Sharanya R. Realizing India's Strategic Interests in Central Asia // Carnegie India. 01.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
48. Дюшенбиев С. У. Ислам в современном Кыргызстане: состояние и проблемы // Религиоведение. 2011. № 3. С. 108.
49. Singh A. T. India and Central Asia: An Interpretation of Mutually Indelible Historical Relationship and its Multi Faceted Impact // International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies (IJIMS). 2015. Vol. 2. № 7. P. 61—72.
50. Keynote Address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue (2012) // Ministry of External Affairs. Government of India [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).
51. Могила Мухаммеда Хайдара Дулати отреставрирована в Индии // Международное информационное агентство «Казинформ». 25.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#).

52. Abuseitova M. Kh. Historical and Cultural Relations between Kazakhstan, Central Asia and India from Ancient times to the beginning of the XX century // Dialogue October-December. 2004. Vol. 6. № 2.

53. Paskaleva E. G. Memory and Commemoration in Central Asia // The Newsletter. 2016. № 74. P. 29—31.

54. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2007. С. 169—170.

Библиография:

1. Абашин С. Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2008. С. 351—374.
2. Аватков В. А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. 12(4). С. 113—129.
3. Аяган Б. Г., Шаймерденова М. Д. История Казахстана (начало XX в. — настоящее время). Учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Алматы, 2013.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2007.
5. Дюшенбиев С. У. Ислам в современном Кыргызстане: состояние и проблемы // Религиоведение. 2011. № 3. С. 107—126.
6. Ильхамов А. Постсоветская этнография, мифотворчество и власть // Ab imperio. 2005. №4. С. 327—336.
7. Иманкулов М. К. История Кыргызстана (XX—XXI вв.) 9 класс. Учебник для общеобразовательных школ. Бишкек, 2014.
8. Кулсариева А. Т., Султанова М. Э., Шайгозова Ж. Н. Великий Шелковый путь и тенгрианство в стратегиях культурной политики современного Казахстана // Nowa Polityka Wschodnia. 2017. № 4 (15). С. 96—111.
9. Лисицына Н. Н. Расширение Российской империи в Центральной Азии и восприятие русских и России населением Туркестана (вторая половина XIX в.) // Вестник МГУ им. М.А. Шолохова. № 2. 2014. С. 26—30.
10. Мехдиев Э. Т. Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // Международные отношения. 2017. № 4. С. 1—15.
11. Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти: причины и последствия // Полития. 2019. № 3 (94). С. 87—102.
12. Нурова Х. С. Вклад академика Р. М. Масова в изучение истории и историографии таджикского народа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 2019.
13. Ражабов К., Замонов А. История Узбекистана. Учебник для учащихся 10-классов средних образовательных учреждений и учреждений среднего специального, профессионального образования. 1-ое издание. Ташкент, 2017.
14. Скаков А. Ю. Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 110—120.

15. Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. Вып. 4. С. 131—143.
16. Шнирельман В. Президенты и археология, или что ищут политики в древности // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 279—323.
17. Abashin S. Nation-construction in post-Soviet Central Asia // Soviet and post-Soviet Identities / ed. by M. Bassin, C. Kelly. Cambridge; N. Y., 2012. P. 150—168.
18. Abuseitova M. Kh. Historical and Cultural Relations between Kazakhstan, Central Asia and India from Ancient times to the beginning of the XX century // Dialogue October-December. 2004. Vol. 6. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.asthabharati.org/Dia_Oct04/Abus.htm.
19. Beyen M. A Parricidal Memory: Flanders' Memorial Universe as Product and Producer of Belgian History // Memory Studies. 2011. Vol. 5. № 1. P. 32—44.
20. Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // Daedalus. 1995. Vol. 124. № 2. P. 107—132.
21. Bull A. C., Hansen H. L. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. № 4. P. 390—404.
22. Erll A. Wars We Have Seen: Literature As a Medium of Collective Memory in the “Age of Extremes” // Memories and Representations of War: The Case of World War I and World War II / ed. by E. Lamberti and V. Fortunati. Amsterdam; N. Y., 2009. P. 41—42.
23. Horac S. In Search of History of Tajikistan. What Are Tajik and Uzbek Historians Arguing About? // Russian Politics and Law. 2010. Vol. 48. № 5. P. 65—77.
24. Khalid A. Making Uzbekistan. Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca; L., 2015.
25. Levy D., Sznajder N. Memory Unbound: the Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. № 1. P. 87—106.
26. Paskaleva E. G. Memory and Commemoration in Central Asia // The Newsletter. 2016. № 74. P. 29—31.
27. Singh A. T. India and Central Asia: An Interpretation of Mutually Indelible Historical Relationship and its Multi-Faceted Impact // International Journal of Interdisciplinary and Multidisciplinary Studies (IJIMS). 2015. Vol. 2. № 7. P. 61—72.
28. Soest Ch., Grauvogel J. Comparing Legitimation Strategies in Post-Soviet Countries // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia / ed. by M. Brusi, J. Ahrens, M. S. Wessel. P. 18—46.

Historical Politics in Post-Soviet Central Asia and Prospects for Overcoming the Antagonistic Memory Regime

N. Emelyanova

*State Academic University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

D. Letnyakov

*State Academic University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

Abstract

After the collapse of the USSR, post-Soviet states vigorously engaged in the “nationalization” of their history, that is to say they began to mould their own historical narrative, tasked with legitimizing the fact of getting independence in 1991.

Within the framework of this strategy, the most natural mode of working with historical memory was the “antagonistic” one. It is based on pushing away from the former “metropolis”, on victimization and, at the same time, on the glorification of one’s own past. However, the “antagonistic” memory mode is not the only one. The alternative is the “cosmopolitan” memory research, trying to rise above a narrowly national point of view and to reconcile conflicting historical narratives. A good example of this we can find in the European Community (joint history textbooks, the Holocaust as the main pan-European tragedy, etc.).

The key question of the paper is whether there are today any chances to partially overcome the “antagonistic” memory mode in the post-Soviet countries. An object of our research is Central Asia. This part of the FSU is the most actively engaged in different integration projects after 1991 (under the auspices of Russia, China, etc.). In contemporary world such projects are often based on humanitarian interaction, on the elements of “soft power”, including the appeal to a common past, a unified cultural heritage. The authors aim to assess whether such actors as Russia, Iran, Turkey, China and India have some potential capacity to build a transnational historical narrative with the states of the region, and if they do, what this capacities can be based on.

Keywords: Central Asia, Former Soviet Union, politics of memory, transnational memory, soft power

Publication date: 15.10.2020

Citation link:

Emelyanova N., Letnyakov D. Historical Politics in Post-Soviet Central Asia and Prospects for Overcoming the Antagonistic Memory Regime // ISTORIYA. 2020. V. 11. Issue 9 (95) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840011431-3-1/> (circulation date: 06.11.2020). DOI: 10.18254/S207987840011431-3

